Пронзительный звонок телефона нарушил спокойствие теплой кухни, остудил Эльке Хауптман и вызвал у нее мгновенную головную боль.

От волнения и всепоглощающего страха она уронила в раковину стакан, который мыла, и порезала мизинец до кости. Кровь потекла по фарфору, словно брызги из шланга. Зажатая между звонящим телефоном и страхом, что муж заметит ее панику, она завернула пульсирующий мизинец в ближайшее чайное полотенце и взяла трубку на втором звонке.

— Хауптман, добрый вечер. — она ответила, как всегда, вежливо, хотя прекрасно знала, кто находится на другом конце провода.

Если бы она кричала в трубку, как ей хотелось, то ее муж непременно заподозрил бы неладное. Она поднесла трубку к уху, чуть не задыхаясь от нервного напряжения и запаха розового мыла на руке. Ее муж, сидевший на диване и читавший книгу их шестилетнему сыну, поднял глаза, но затем вновь обратил свое внимание на Ханси.

Эльке откинула предплечьем песчаную прядь с глаз, стараясь изо всех сил не испачкать лицо окровавленным полотенцем. Она все еще была накрашена после полуденного выступления. Большинство ее выступлений проходило вечером, но Имперский клуб, где она часто пела, спонсировал это выступление, предоставив ей и ее маленькой семье выходной. Ублюдок должен был выбрать сегодняшний вечер.

Она кивнула, слушая другой конец разговора. В каком-то смысле ей повезло, что она порезалась. Это объяснило бы ее мужу, почему она вдруг так побледнела.

— Хорошо… Да… — она взглянула на часы над плитой. Было семь тридцать. — Конечно, моя дорогая… Я могу быть там через час… — она улыбнулась так принужденно, что ее лицо треснуло. — … я тоже… До скорой встречи. Чао.

Хауптман дрожащей рукой положила трубку на место, представляя, какой вред может нанести прочный бакелитовый телефон, если с размаху ударить им по черепу.

— Кто это был? — спросил ее муж, испугавшись почти так же, как и звонка. Он не поднял глаз от книги Ханси, но оставался невозмутимым. Звонки поздно вечером не были редкостью. — Ты планируешь еще одно шоу? Я бы хотел на нем побывать.

— Это была Гиссель. — сказала Эльке. От этой лжи ее рот превратился в пустыню, а язык нелепо щелкал, когда она говорила. — Мне очень жаль, Увэ. — она произнесла его имя как «У-вей». Как всегда, ложь становилась легче с каждым словом, которое она произносила. — Но я ей нужна. Похоже, она очень больна.

— Сестры должны присматривать друг за другом. — медленно кивнул он.

— Да, мы должны…

Элька набрала из крана стакан воды и выпила его, как будто это было противоядие от какого-то смертельного яда. Капли стекали по обеим сторонам ее рта, и она вытирала их тыльной стороной руки.

— Я не хочу, чтобы ты уходила! — Ганс шлепнул по диванной подушке.

— Не волнуйся, любовь моя. — Увэ похлопал сына по руке. — Иди и готовься ко сну. Мы с тобой еще почитаем книжки, пока мама не вернется.

После того как мальчик скрылся в ванной, Увэ зашел на кухню и был потрясен, увидев ее раненую руку. Он помог перевязать ее, а затем убрал разбитое стекло. Когда он закончил, то легонько поцеловал ее в лоб.

— Мне кажется, ты потеряла много крови. — сказал он. — Как ты думаешь, стоит ли выходить на улицу?

— Не так уж много. — сказала она, а затем добавила. — Я в порядке. Я нужна Гиссель.

Он взял ее за руку и притянул ближе. Тапочки зашаркали по кухонной плитке, когда они начали танцевать.

Она дрожала, как трепетная птичка в его руках. Хотя сейчас он был ученым, он успел послужить солдатом и поддерживал себя в отличной физической форме. Он тоже был вспыльчив, и хотя он никогда не причинил бы ей вреда, его сильные руки были способны нанести огромный ущерб. Она мечтала об этом, даже подумывала рассказать ему обо всем, но он сделал бы что-нибудь необдуманное, и его посадили бы в тюрьму или еще хуже.

— Прости меня. — прошептала она.

— Это я должен сожалеть. — его губы прошептали ей на ухо, так что микрофоны, о которых они оба знали, не могли уловить ее слов. — Это моя вина. Это начинает сводить меня с ума. Серые мужчины возле нашего дома в любое время суток. Подслушивающие устройства на нашем телефоне. Я уверен, что большинство наших соседей были завербованы, чтобы следить за нашими приходами и уходами. Это неудобно...

— Это цена, которую мы платим за вашу работу. — сказала она. — Это важно.

Доктор Увэ Хауптман был физиком-авиаконструктором, работавшим в престижном университете Гумбольдта — альма-матер таких ученых, как Эйнштейн, Шредингер и Планк. Она тоже была ученым по образованию, но теперь зарабатывала на жизнь своим голосом, пела в клубах и на концертах, иногда даже на Западе — яркая и блестящая вещь для ГДР, которой можно было похвастаться.

— Наверное. — прошептал он. — Но эта проверка просто сводит с ума. Ты чуть из кожи вон не выскочила, когда позвонила сестра.

— То, что ты делаешь, хорошо для Германии. — она зарылась лицом в его грудь и сказала. — Значит, это хорошо и для нас.

— И все же. — сказал он. — Как я могу сосредоточиться, когда доктор Галкин следит за каждым моим шагом? Да еще и с вопросами, между прочим. Невозможно удержать связную мысль.

— Галкин здесь? — приоткрыла губки она.

— На прошлой неделе я получил разрешение встретиться с коллегой с другой стороны. — кивнул он, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в шею. — Они приехали как мои опекуны.

— Ты ездил на Запад? — Элька отстранилась. — Почему ты мне не сказал?

— Я не хотел, чтобы ты волновалась. — сказал он. — Это была всего лишь однодневная поездка.

Она знала, как он говорит, как дергается уголок его рта, когда он что-то скрывает — что он и делал сейчас. Она не стала настаивать слишком сильно. В конце концов, список вещей, которые она не рассказывала своему мужу, был длинным. Он наклонился ближе, воспользовавшись подслушивающим устройством, чтобы погладить ее по уху.

— С ним находится мерзкий куратор Галкина из КГБ, товарищ полковник Зима.

Она отстранилась, чтобы посмотреть на его лицо, потом снова на ухо.

— КГБ? — она произнесла это «ках-гех-бех» с придыханием, мягче, чем шепот.

— Научно-технический отдел. — сказал Увэ. — Тем не менее, КГБ есть КГБ. Они подозревают всех моих знакомых в том, что они участвуют в заговоре врачей. Шпионы никогда не доверяли ученым. Мы очень опасны, потому что ставим истину выше политики.

— Не все ученые. — сказала Эльке.

— А те, кто этого не делает… — сказал Увэ, пожалуй, слишком громко. — … вовсе не ученые, а пешки правительства. Я не должен говорить тебе об этом. Товарищ Зима использовал нашу поездку на Запад как возможность проверить свою веселую банду контрабандистов сигарет.

— Это опасно. — сказала Элька. — Быть связанным с черным рынком.

— Я не возражал. — сказал Увэ. — Его дело дало мне несколько драгоценных минут на Западе без того, чтобы он и Галкин дышали мне в затылок.

— Ты должен был остаться. — прошептала Эльке.

— Ты никогда не остаешься! — Увэ насмешливо хмыкнул. Он снова понизил голос. — Вот почему они не разрешают нам путешествовать вместе. Я скорее умру, чем оставлю тебя и Ханси.

Его пальцы медленно прошлись по ее спине, мимо узла фартука, ловко зарылись под пояс юбки. Он на мгновение замешкался, пробираясь через эластичный вал колготок, но все же проник под него и стал ласкать впадинку у основания ее позвоночника. Она снова вздрогнула. В ванной еще текла вода, и они на мгновение оказались в безопасности от любопытного взгляда Ханси. Увэ притянул ее ближе и провел кончиком пальца по мягкому кругу на копчике.

— Гиссель нужна твоя помощь. Я знаю это. — он застонал. — Но, может быть, мы могли бы еще немного потанцевать, когда ты вернешься?

— Да. — сказала она, ее рот был еще более пересохшим, чем раньше. Дыхание участилось. — Да. Это хорошая идея.

— Поторопись домой, моя милая. — его дыхание было влажным и теплым. — Ты единственная в мире, кому я могу доверять.

* * *

Клены вдоль улицы Аугустштрассе к концу октября сбросили листву, и в ноябрьской темноте они выглядели суровыми и хрупкими. Пронизывающий ветер заставлял сборные бетонные дома выглядеть еще более серыми и гнетущими, чем они были.

Эльке Хауптман натянула на уши шерстяной шарф и натянула вязаные вручную варежки, стараясь не ободрать пораненный палец. Послушная восточногерманка, она делала вид, что не замечает человека в тяжелом пальто на другой стороне улицы и в середине квартала, не обращая внимания на отблеск его сигареты в тени за тусклым уличным фонарем. Другие говорили, что у нее голос соловья, но по образованию и характеру она была ученым, привычно анализирующим парадоксы и тенденции.

Шпионы всегда курили — странная привычка, поскольку они не хотели, чтобы их заметили, но вполне объяснимая, учитывая душераздирающую тяжесть их действий.

Эльке это хорошо понимала. Она прикурила сигарету и сделала глубокую затяжку в знак солидарности с придурком, притаившимся на улице. На холоде дым распускался вокруг ее лица, пока она возилась с цепью на своем скутере, десятилетнем «Simson Schwalbe KR 51/2», или «Ласточке», который был пристегнут к металлической стойке перед жилым домом. Он был похож на «Веспу» — если бы у «Веспа» был домашний ребенок от «Хонды» типа «Супер-каб», и этот ребенок кувыркался бы с горки, а потом его пришлось бы приводить в рабочее состояние.

Увэ описал цвет «Schwalbe» как «желтый цвет детского дерьма», и он не ошибся.

Убрав цепь под сиденье, Эльке задрала тяжелую шерстяную юбку достаточно высоко, чтобы завести маленький двигатель, а затем, радуясь, что надела плотные колготки, перекинула ногу на прохладное сиденье из искусственной кожи. Уголек на конце сигареты между ее губами светился, как в кузнице. Мертвые кленовые листья трепетали за ней, когда маленькая ласточка с жужжанием неслась на юго-восток по грязным кирпичным улицам в сторону кафе у Александерплац — совсем недалеко от дома ее сестры.

* * *

Доктор Увэ Хауптман прислонился к кухонной стойке, уставившись на телефон, и тяжело дышал через нос. Маленький Ганс сидел на диване и пел колыбельные песни бородатой кукле «Наш песочный человек», которую показывали по телевизору. Стиснув зубы, Хауптман снял трубку и набрал номер невестки.

— Алло? — раздался робкий голос на другом конце провода.

— Алло, Гиссель?

— Да. — ответила она, узнав голос. — Здравствуй, Увэ. Как дела?

— Мне нужно поговорить с Эльке, когда она приедет. — сказал Увэ.

— Хорошо… — сказала Гиссель.

— Я… — Увэ сделал паузу, а затем сказал. — Я надеюсь, что тебе скоро станет лучше.

— Спасибо. — сказала она. — Я скажу Эльке, чтобы она тебе перезвонила. — он уставился на телефон. Любой вопрос мог бы рассказать ему больше, проверить Гиссель на предмет того, действительно ли она больна, действительно ли Эльке уже едет к нему, или это что-то совсем другое. — Увэ? — сказала Гиссель. — Ты все еще…

— Хорошо. — сказал он. — Спасибо, дорогая. — он снял трубку и уткнулся лицом в руки.

«Некоторые вещи лучше не говорить.»

http://tl.rulate.ru/book/107895/3994293